

Копирование, тиражирование и распространение материалов,
содержащихся в книге, допускается
только с письменного разрешения правообладателей.

НАТАША
ЭСТРАНИ

У ЕТРАХА
ЗАПАХ
ҚОРИЦЫ

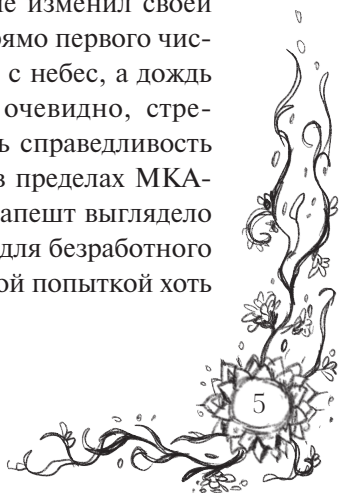


Москва
2026



Я могла бы поклясться, что камеру у меня из рук вырвала горгулья. Из всех возможных способов лишиться лучшего друга, куска сердца и третьего глаза, стоя на мосту над Дунаем, мне достался самый экзотический. Эта сцена могла навсегда застыть в памяти, мешал лишь один нелепый нюанс: горгулий не существует.

Сентябрь всегда топил меня в тоске и меланхолии. Даже обещание золотой осени не могло вытеснить предчувствия сырости, холода и той тягостной серости, в которую Москва погружалась стремительно и неотвратно. В тот раз сентябрь не изменил своей привычке: осень ворвалась в город прямо первого числа. Солнце тут же бесследно исчезло с небес, а дождь поливал улицы и днём, и ночью, очевидно, стремясь как можно скорее восстановить справедливость и наконец-то накапать море где-то в пределах МКАДа. На этом фоне путешествие в Будапешт выглядело не только бессмысленной роскошью для безработного маркетолога, но и последней отчаянной попыткой хоть немного продлить лето.





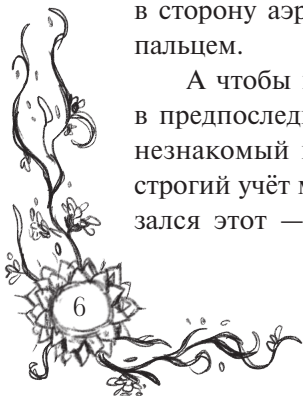
Разочарование поджидало меня и за этим углом: дождь прибыл в Будапешт с нами вместе. Первое время мы с Катей ещё старались весело прыгать по лужам, но вскоре продрогли, а к третьему дню окончательно раскисли. Чудеса архитектуры не приносили счастья, прогулку на остров Маргит омрачила утрата Катиного кошелька, ну а потом случилось самое страшное: мой фотоаппарат, мой лучший и самый любимый друг, отправился в последнее путешествие с моста через Дунай неподалёку от Будаической крепости, унося с собой на дно бесчисленное количество фотографий птиц на фоне туч.

Катя горячо убеждала меня, что во всём виновата чайка, — таких огромных чаек, как здесь, я до сих пор не встречала, и почти любая без особых усилий могла бы унести и камеру, и меня саму. Но память твердила другое: чаек, похожих на каменных собак с драконьими крыльями, не бывает.

Но и горгулий не бывает тоже — и это достойный аргумент, чтобы остановить свой гнев на чайке.

А впрочем, какая разница — виновата в любом случае я сама. Мало ли что там мне померещилось в секунду крошечного ужаса, не могу же я всерьёз поверить в горгулью. Хотелось обливаться слезами с утра до ночи, и зачем теперь нужны все эти путешествия — было абсолютно неясно. Кажется, впервые в жизни я мечтала как можно скорее вернуться домой, лежала в сторону аэропорта и не собиралась шевелить даже пальцем.

А чтобы поездка стала абсолютно невыносимой, в предпоследнюю ночь в моём номере обнаружился незнакомый мужчина. Я всегда предпочитала вести строгий учёт мужчин в своей спальне, но как там оказался этот — понятия не имела. Когда среди ночи





я внезапно проснулась в приступе беспричинной тревоги, он с крайне загадочным видом стоял у изножья кровати, задумчиво взирая на меня пронзительными светлыми глазами.

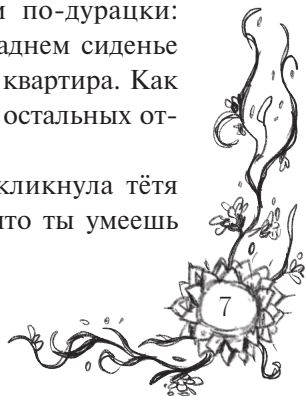
Гость был похож одновременно на Джуда Лоу, Дэвида Теннанта и Тома Хиддлстона, то есть на всех моих любимых мужчин разом, поэтому мне понадобилось секунд десять, чтобы поверить в реальность происходящего, и только потом изо всех сил заорать. Он абсолютно не сопротивлялся и молчал, как рыба, когда я гневно выталкивала его из номера прочь, чем взбесил ещё сильнее, и смотрел даже немного удивлённо, будто все предыдущие женщины, к которым он вламывался, реагировали иначе.

Конечно, мне стоило быть хоть немного умнее и запираться на ночь, но вопросы имелись и к администрации гостиницы, позволяющей кому попало входить в незапертые двери. На прощание я швырнула в незнакомца испепеляющий взгляд, и за мгновение до того, как дверь захлопнулась, мне показалось, что из-под джинсов у него торчат гусиные лапы. Не веря сонным глазам, я снова высунулась в коридор — но след ночного гостя уже безнадёжно простыл.

Разумеется, после этого я не только заперлась на замок, но и едва подавила желание забаррикадировать дверь шкафом — и всё равно до самого утра заснуть не смогла.

Завершилось путешествие совсем по-дурачки: по дороге из аэропорта я дремала на заднем сиденье такси, когда на меня с небес свалилась квартира. Как альтернатива метеориту — неплохо, а в остальных отношениях — так себе.

— Привет, — жизнерадостно воскликнула тётя Лиза в телефоне. — Я точно помню, что ты умеешь





пользоваться какими-то сайтами, где сдают недвижимость.

— Привет, — вежливо отозвалась я.

— Привет. Камишка, ты только представь, мне наконец-то предложили должность директора филиала в Воронеже. Я подумала, что Воронеж, конечно, не Париж, но это такая возможность!

Тётя Лиза так щебетала, что я невольно представила себе, как она стоит в малиновом берете, обняв багет, а за спиной у неё — Эйфелева башня прямо посреди Воронежа.

— Воронеж, в принципе, не так уж далеко от Парижа, — покладисто согласилась я.

— Вот. Ты всегда меня понимаешь. И я решила: если уезжать надолго, то не бросать же пустую квартиру, это же какие деньжищи можно с неё получить. Да?

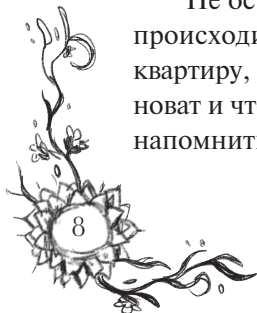
— Да, — рассеянно предположила я, скользя взглядом по чередё фасадов вдоль Кутузовского проспекта, сливающейся в один бесконечный дом.

— Я закинула ключи в твой почтовый ящик. Там прибрано, ценное я отвезла к подруге, но всё равно надо, чтоб люди нашлись приличные...

— Тётъ Лиз, какие ключи? — Чувствовать неладное было уже поздно, но я наконец почувствовала.

— От квартиры. — В трубке что-то зашуршало, запищало, и тётя Лиза протараторила ещё быстрее: — Погоди, тут посадка на рейс начинается, позвоню потом.

Не оставив шансов разобраться, что, чёрт побери, происходит, с чего вдруг я обречена сдавать чужую квартиру, почему бы не позвонить мне раньше, кто виноват и что делать, она отключилась. Наверное, стоило напомнить тёте Лизе номер её взрослого сына, кото-





рый справился бы с задачей ничуть не хуже уставшей и печальной племянницы.

Но против врождённой безотказности медицина абсолютно бессильна.

Новость отлично попала в моё настроение — как подтверждение, что вселенная в этом сезоне ненавидит меня сильнее, чем обычно. Я в красках представила вереницу потенциальных жильцов, среди которых мне предстоит как-то вычислить и мужественно изгнать всех алкоголиков, наркоманов, психов и организаторов притонов, вздохнула и обречённо закрыла глаза.

И заснула до самого дома.



Дома было как дома. Я забрела в ванную, ужаснулась отражению в зеркале, яростно смыла с рук всю память об этом бездарном путешествии и побрела дальше, навстречу мечте наконец-то выспаться.

Но телефон зажужжал снова, словно принял твёрдое решение обречь меня на вечные муки.

— Камилла, — не терпящим возражений голосом поздоровалась бывшая однокурсница Аня, — у меня есть лишний билет в кино. Ты идёшь со мной, встречаемся через тридцать минут.

Когда-то давно нас навеки породнили списанные зачёты и съеденные на двоих пачки сухариков с сыром. Но после окончания университета мы общались исчезающе редко: раз в полгода пили кофе или бесцельно бродили по переулкам Замоскворечья, обменивались сплетнями, а потом, так и не найдя больше ничего общего, не вспоминали друг о друге до следующей нескорой встречи.





Анино предложение меня, мягко говоря, не воодушевило. Захотелось прокричать: «Я ничего не слышу!» — и отключить, а лучше выкинуть телефон. Но она не оставила мне ни единого шанса на спасение, тут же продолжив:

— А если ты не пойдёшь, я погибну в этом офисе, запертая между дедлайнами и корпоративной этикой. Пожалуйста! Я соскучилась! Без тебя мне не выжить!

Классика. Умело разыгранная карта драматического шантажа. Я упёрлась лбом в шкаф и вздохнула снова. Хотелось пообещать себе, что всё это в последний раз — и уже завтра я начну говорить людям «нет».

Но может, и послезавтра. То есть, разумеется, никогда.



— Я почти дописала завещание, пока тебя ждала, — склочно заявила Аня, как только я появилась в поле её зрения.

С каждым шагом от дома до кинотеатра я мрачнела всё сильнее, под стать погоде, и уже несколько миллионов раз прокляла себя за мягкотелость и безотказность.

— А я, на минуточку, только что прилетела из противного мокрого Будапешта, обнаружила, что должна искать жильцов в дурацкую тётину квартиру, устала, как тысяча злых собак, и, честно говоря, просто сгораю от желания тебя задушить, — хмуро сообщила я, стараясь завернуться в пальто до состояния мумии.

— И как Будапешт? — живо поинтересовалась она, игнорируя мою жажду насилия.



— Противно, мокро, ужасно. Хуже было только моё феерическое путешествие в Барселону.

— Зато, пока ты тащишься сюда, как дохлая черепаха, я нашла нам компанию, — с готовностью парировала Аня.

Слово «компания» она произнесла с таким придыханием, с каким обычно говорят: «Мне сегодня было видение ангела небесного», если, конечно, кто-то вообще такое говорит.

— И где же она? — без особого энтузиазма поинтересовалась я.

Но могла бы и не интересоваться. Рядом с кинотеатром, метрах в тридцати от нас, стоял, расслабленно прислонившись плечом к колонне, всего один человек, способный сойти за компанию, и если бы я сказала, что просто удивилась, это была бы наглая, беспросветная ложь.

У меня в голове поднялся рой изумлённо жужжащих пчёл.

— Серьёзно? — с трудом выдавила я.

Аня подозрительно глянула на меня, озадаченная такой реакцией, и с безграничной гордостью покорителя Эвереста торжественно сообщила:

— Да.

Я моргала, моргала, моргала, пытаюсь проснуться — но это не было сном.

Семь или восемь лет назад, в театральном фойе, перед спектаклем «Фауст» я увидела его в первый раз. У него было мало шансов привлечь моё внимание — оно всё досталось сказочно прекрасному вечернему платью его спутницы: я изнывала от зависти до конца вечера, а потом ещё несколько дней мечтала хоть из-под земли достать похожее. На его фоне померк мир, но мой взгляд успел зацепиться за лицо высокого





смуглого мужчины: его будто долго и тщательно обрабатывали в фотошопе, выверяя каждую чёрточку.

Второй раз он попался мне на глаза через год или два, в Хельсинки, в парке Кайвопуйсто, который казался самым прекрасным местом на земле. После двух промозглых дней на небе вдруг обнаружилось солнце, и я наконец очнулась, разглядев и природу, и архитектуру, и особенно финский суп с лососем. Всё это сделало меня до идиотизма счастливой, но я сразу решила, что без ванильного рожка счастье не может быть полным. Настоящие финны с первым лучиком солнца отправились за мороженым в шлёпанцах на босу ногу, чем же я хуже? Не то чтобы в очереди к киоску меня взволновал смутно знакомый мужчина: близость к мороженому мешала думать о чём-то дольше секунды.

Третья встреча случилась через несколько месяцев, уже в Москве, в кафе недалеко от Цветного бульвара, и тогда я наконец всерьёз насторожилась.

— Я где-то его видела, — по-шпионски загадочно сообщила я. Катя, уже минут двадцать меланхолично терзавшая кусочек торта, завертелась на месте, как радар.

— Блондина? — громким шёпотом уточнила она. С той же деликатностью могла бы просто встать и ткнуть пальцем блондину в лоб.

— Нет, слева.

Катя снова обернулась с грацией гиперактивного хорька, и я на секунду пожалела, что не выдала ей очки и газетку для конспирации. Объект наблюдения, однако, и бровью не повёл — невозмутимо листал журнал и пил что-то разноцветное. Он выглядел настолько безупречно спокойным, казалось, даже воздух вокруг него старался лишний раз не колыхаться. Только



густая тёмная чёлка упрямо жила по своим правилам: падала как ей вздумается, намекая, что её не заботит сдержанность его образа.

— Ты про того турка? — предположила Катя.

— Кое-кому пора завязывать с турецкими сериа-лами, — мрачно отозвалась я.

— Никогда, aşkım*. Я живу ради них. — Катя картинно приложила ладонь к груди. Оторвав пронзительный взгляд сыщика от не-блондина и потенциального турка, она снова сфокусировалась на мне. — Так где же ты его видела? Постучал в твою дверь?

— Не помню. Мне кажется, что в Хельсинки. Но такого ведь не может быть.

— А вот это, — заговорщицки сузила глаза Катя, — звучит ровно как начало криминальной драмы.

Довольно скоро я поняла: может быть что угодно. Он возникал то тут, то там: в парках, в кафе, в разных городах и странах, то мелькая в толпе, то сталкиваясь со мной в упор. Всегда спокоен, всегда с такой безупречной осанкой, будто в любой момент готов оказаться и на королевском портрете в музее, и на книжной ярмарке в центре Красноярска. В тот день четыре года назад я так отчаянно куда-то спешила, петляя между прилавками, что с разбегу врезалась прямо ему в спину. А он обернулся и извинился, пока я оглушённо хлопала глазами. Безнадёжно погружённая в свои мысли, только вечером, рассказывая Кате, как поразила меня эта вежливость, я вспомнила вдруг его лицо и от удивления захлопнула рот на середине рассказа.

Тогда же из закров памяти медленно выбралась самая интригующая деталь его портрета. Не знаю,

* Любовь моя (тур.).



как с ним могла приключиться такая банальность, но это были глаза: ярко-зелёные, цвета травы, изумруда или тоски.

Но в прошлый раз они показались мне серыми, а при следующей встрече — карими.

«Цветные линзы до обидного похожи на магию», — решила я, немного разочарованная прозаичностью придуманной разгадки.

Любопытство и страх в душе раз за разом мучительно сменяли друг друга, пока страх не сдался окончательно: трудно бесконечно бояться того, кто годами вынашивает дьявольский план и никак не приступит к его исполнению.

И теперь он совсем лишился статуса мимолётного видения — стоял на расстоянии пары десятков шагов и безмятежно смотрел вдаль, не обращая на нас с Аней внимания. Не было ни малейшего сомнения, что это именно он: его я видела и в театре, и в Хельсинки, и в Красноярске, и в кафе на Цветном бульваре, и во всех остальных возможных местах.

— Откуда ты его знаешь? — наконец ошарашенно пробормотала я.

Аня в ту же секунду превратилась в блондинку с розовым бантиком и принялась накручивать на палец прядь волос у лица. Мне страстно захотелось её как следует укусить.

— Он идёт на тот же фильм, и я предложила пойти втроём.

— Чего? Втроём?

— Ну, если ты очень хочешь в кино. Ты точно хочешь в кино?

— Аня, ему явно за сорок, ты с небольшой натяжкой сойдёшь ему в дочери.





— Это тебе явно за сорок! — рассердилась Аня. — Отстань от меня и иди домой.

— Вот это внезапная смена риторики. Не напомнишь, как я здесь оказалась?

— Ну прости, Камиш, ну ты же всё понимаешь, — заныла она. — Не обижаешься?

Я обижалась. Нет, даже так: я злилась. Но Аня выглядела невозможно трогательно и глупо одновременно. Мы, в конце концов, уже довольно взрослые тётки, а ей будто на днях исполнилось двенадцать и мальчик вдруг пригласил на свидание; точнее, мальчика на свидание — втроём — пригласила она.

— Да нет, — вздохнула я, не сводя глаз с человека у колонны. — Вернусь в свою берлогу и лягу там в спячку до марта, как и мечтала.

— Отличный план, пока! — обрадовалась Аня.

Тут бы мне благоразумно удалиться в сторону берлоги, но вдруг, сама себя изрядно удивив, я схватила Аню за руку и выпалила:

— Но сначала познакомишь нас?

— Зачем? — эхом моих мыслей отозвалась Аня.

— На случай, если он маньяк, — панически выкрутилась я. — Если он сразу после кино решит тебя расчленить, я смогу быть свидетелем.

Аня посмотрела на меня как на безнадежно больную, но, видимо, где-то в глубине души сочла аргумент допустимым. Она решительно потащила меня за собой, а я стала спешно придумывать план спасения. За несколько секунд пути раз сто пожалела, что вообще открыла рот, но было уже поздно: мужчина стоял прямо передо мной и приветливо протягивал руку.

— Александр, — сообщил он, и я узнала тот приятный низкий голос, который слышала целую секунду в Красноярске.

